

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ШИРОКОМ ИСТОРИКО-НАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ (обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода)

© Богданчиков С.А.

к.пс.н., Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия
bogdanchsa@gmail.com

Сравнительный анализ наиболее значимых постсоветских публикаций, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского, Л.С. Клейна, Э.И. Колчинского, С.Б. Криха, В.Н. Сойфера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля, А.Л. Юрганова и др.), позволил прийти к выводу о том, что изучение истории советской психологии в настоящее время по целому ряду параметров существенно отстает от того уровня, которого уже достигли в исследовании советского периода истории своей науки представители других отечественных наук. Минимум сведений по истории советской психологии, обнаруженный в постсоветских и современных публикациях, в которых рассматривается судьба различных наук в советскую эпоху или советской науки в целом, следует объяснять не столько незначительностью сведений об истории советской психологии, сколько их недостаточной проработанностью, обобщенностью и изученностью самими психологами.

При обсуждении перспектив дальнейших исследований истории советской психологии подчеркивается, что негативное воздействие господствующей государственной идеологии на какую-либо конкретную науку в конечном счете зависит не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию, что прежде всего определяется уровнем общего развития данной науки, находящем свое выражение не только в сфере теории, эксперимента и практики, но и в как можно более полном и объективном познании собственной истории.

Ключевые слова: история советской психологии, история советской науки, наука в СССР, наука и власть, наука и идеология, история советской лингвистики, биологии, генетики, археологии, исторической науки

Введение

Одним из значимых показателей «освоенности» истории советской психологии и всего психологического наследия советских времен является то, насколько о советской психологии и ее истории известно в других науках. Действительно, что конкретно знают об истории советской психологии исследователи, не являющиеся

психологами, но профессионально занимающиеся историей советской биологии, физиологии, лингвистики, археологии, советской исторической науки, советской философии и т.д.? С другой стороны, что мы сами – психологи, историки психологии – знаем о советском периоде истории других отечественных наук? И что нам может дать для понимания истории советской

психологии сравнительное изучение «параллельной» истории других наук, функционировавших в советскую эпоху?

В данной статье мы в первом приближении рассмотрим два конкретных вопроса – во-первых, о том, как в книгах, посвященных истории различных наук эпохи СССР, затрагивается история советской психологии; во-вторых, в какой мере рассмотренные работы могут способствовать более эффективному изучению и полному пониманию истории советской психологии.

С этой точки зрения весьма характерно, что Николай Кременцов в вышедшей в США на английском языке в 1997 г. книге о «Stalinist Science», т.е. о «сталинской (или все-таки «сталинистской»?) науке, прямо пишет: «Мой анализ сталинской научной системы и лежащих в ее основе закономерностей можно было бы проиллюстрировать подробностями из истории психологии, физики, химии, лингвистики, геологии и многих других советских дисциплин, но я уделяю особое внимание наукам о жизни, в частности генетике. Конечно, развитие каждой дисциплины имело свои особенности, частично вытекающие из различной природы научных материалов, теорий и традиций, связанных с ними» [62, с. 7].

И действительно, в этой книге мы не находим каких-либо упоминаний о том, что происходило с психологической наукой в СССР в эпоху сталинизма. То же самое можно сказать и о вышедшей в 2001 г. на английском языке книге В.Я. Бирштейна «Извращение знания. Подлинная история советской науки» [59], в которой основное внимание уделяется различным аспектам функционирования советской психиатрии.

Не менее показательна в этом же отношении вышедшая в 2006 г. книга американского историка Э. Поллока «Сталин и советские научные войны» [9; 63]. В этой книге, вводящей в оборот понятие «научные войны» (science wars), описываются шесть дискуссий – в философии, биологии, физике, лингвистике, физиологии и политической экономии, проходивших в СССР в послевоенный период (конкретно речь идет о событиях 1946-1952 гг.). И здесь мы снова не обнаруживаем каких-либо упоминаний о советской

психологии и ее судьбе, о дискуссиях, проходивших в советской психологии в этот период.

Свой выбор объекта исследования Э. Поллок объясняет следующим образом: «Научные войны конца сталинского периода охватывали темы, имеющие решающее значение для легитимности партии и фундаментальные для советского мировоззрения в начале холодной войны. Марксистско-ленинская “научная философия” обеспечивала фундамент для идеологии, которая лежала в основе государства и общества. Физиология и биология имели непосредственное отношение к новому “советскому человеку”, которого пыталась создать система, и к природе, которую коммунизм обещал преобразовать. Квантовая механика и относительность в физике потенциально бросали вызов марксистско-ленинской материалистической эпистемологии, даже если они казались решающими для разработки атомного оружия. Лингвистика охватывала вопросы сознания, класса и национальности. А политическая экономия требовала критики капитализма, обоснования советского социализма и “дорожной карты” для достижения коммунизма в СССР и во всем мире» [63, с. 3-4].

При таком подходе к истории советских наук, который мы обнаруживаем у Н. Кременцова, В.Я. Бирштейна и Э. Поллока, советская психология на фоне остальных наук выглядит своего рода бедной Золушкой, теряющейся на фоне своих весьма представительных сестер и совершенно не заслуживающей внимания – по видимому, в силу своей невзрачности и незначительности, причем не столько из-за своей внешности или отсутствия достижений, сколько из-за всей своей истории, о которой и рассказывать то особенно нечего.

Даже если это действительно так, то что может наша Золушка взять от своих более продвинутых сестер? Для начала обратимся к истории вопроса.

История вопроса

Пожалуй, в качестве первой крупной работы интересующего нас формата («большая книга» о конкретных советских науках или о науке в СССР в целом) следует назвать вышедшую еще

в советское время (в 1989 г.) книгу «Суровая драма народа» [41]. Все статьи в этой книге сгруппированы в два раздела: «Обращение к истокам» (девять статей) и «Трагедия науки и культуры» (восемь статей). Под рубрикой «Вместо заключения» книга завершается еще одной статьей – «Путь к истине» Александра Зевелева. Всего в сборнике восемнадцать статей. По интересующему нас вопросу обнаруживаются статьи и материалы лишь о нелегкой судьбе (в советское время) исторической науки, генетики и философии (статья А.П. Огурцова «Подавление философии» [41, с. 353-374] и сегодня представляет определенный исследовательский интерес).

На примере этой книги хорошо видно, как конкретно в горбачевские времена выражался (и утверждался) формат публикаций на тему «наука и власть»: перед нами более-менее упорядоченный, сгруппированный в несколько разделов, но, по сути, эклектичный сборник статей различных авторов (причем, как нетрудно убедиться, некоторые статьи ранее уже были опубликованы в периодике). Публиковать разнообразные статьи под одной обложкой позволяло лишь то, что их реально объединяло, что действительно было присуще всем им без исключения – их обличительно-разоблачительный настрой, их стремление выразить то, о чем раньше было запрещено говорить, их желание рассказать о том, что и как было на самом деле, т.е. прямо и честно рассказать о репрессиях, запретах, идеологическом давлении, трагических судьбах и т.п.

Неудивительно, что на этой волне в 1991 г. на русском языке вышла книга зарубежного автора – монография Лорена Р. Грэхэма (Logen R. Graham) «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» [10]. В этой книге (ее первое издание на английском языке вышло в 1987 г. [60]) в двенадцати главах дается широкая панорама исторического развития философии и науки в СССР, в том числе речь идет и о развитии советской психологии. Интересующая нас пятая глава «Физиология и психология», будучи достаточно внушительной по объему [10, с. 163-220], включает в себя большое введение в проблему [10,

с. 163-173] и десять небольших параграфов: «Л.С. Выготский», «С.Л. Рубинштейн», «А.Р. Лурия», «Совещание 1962 г.», «Проблема сохранения значения павловского подхода», «Проблема определения понятия “сознание”», «П.К. Анохин», «А.Н. Леонтьев», «Советский фрейдизм» и «Советские психологические школы».

Особую ценность работе Л.Р. Грэхэма придает содержащаяся в ней главная идея, отчетливо выраженный и последовательно реализованный в ней центральный замысел: при характеристике и оценке общего положения дел в советской науке и философии показать в совокупности, взаимодействии и единстве все три базовых компонента – естественные науки, философию и науки о поведении. Это, как мы понимаем, означает, что Л.Р. Грэхэм не озабочен судьбой только какого-то одного из этих трех компонентов; его подход является системным по своей сути. Такой подход глубоко верен и вообще, и в частности – применительно к судьбе советской психологии. Ведь, в конце концов, советская психология не только подвергалась воздействию со стороны своих «соседей» (других наук, философии, идеологии, политики и т.п.), но и сама оказывала на них обратное влияние, т.е. взаимодействовала с ними.

Своего рода ответом на книгу Л.Р. Грэхэма можно считать вышедшие в 1991 и 1994 гг. под общей редакцией М.Г. Ярошевского два выпуска сборника «Репрессированная наука» [33; 34]. В этих сборниках среди статей, посвященных судьбам самых различных наук в советскую эпоху, были статьи и о советской психологии.

Первый выпуск, вышедший с предисловием Д.С. Лихачева и с большой вводной статьей М.Г. Ярошевского «Сталинизм и судьбы советской науки» [33, с. 9-33], состоял из трех больших разделов – «Судьбы науки», «Судьбы ученых» и «Документы». Среди двадцати девяти статей имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: «Запрет на комплексное исследование детства» А.В. Петровского [33, с. 126-135], «“Начало конца” поведенческой психологии в СССР» В.В. Умрихина [33, с. 136-145] и «Н.А. Бернш-

тейн: годы до и после “Павловской сессии”» И.Е. Сироткиной [33, с. 319-326].

Второй выпуск, вышедший (также под общей редакцией М.Г. Ярошевского) в 1994 г., т.е. три года спустя, включал в себя, как и первый выпуск, двадцать девять статей, среди которых имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: две статьи М.Г. Ярошевского – «Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки)» [34, с. 24-44] и «Как предали Ивана Павлова» [34, с. 76-82] и статья П.Я. Шварцмана и И.В. Кузнецовой «Педология» [34, с. 121-139].

Существенным дополнением к этим двум сборникам являются два тематических номера (№ 3 и № 4) журнала «Философские исследования» за 1993 г., вышедшие под общим заголовком «Наука и тоталитарная власть» (немаловажно, что руководителем проекта был А.П. Огурцов). В третьем номере имеются в два раздела – «Наука в системе власти» (четыре статьи) и «Репрессированная наука» (шесть статей). В четвертом номере содержится шесть статей в разделе «Идеологические кампании в науке» и семь статей в разделе «Борьба за автономию науки». Всего, таким образом, в двух номерах «Философских исследований» было опубликовано двадцать три статьи. Для нас важно, что из этих статей прямое отношение к психологии имеет только статья А.М. Эткинды «Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к “новому массовому человеку”)» [31, с. 224-251]. При большом желании и с определенными оговорками (расширяя критерии) к статье А.М. Эткинды можно добавить статью Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова» [31, с. 399-417] – с учетом того, что судьба И.П. Павлова и его школы традиционно рассматривается в контексте не только истории физиологии, но и истории российской психологии.

Как видим, по своему формату оба выпуска «Репрессированная наука» и два тематических номера журнала «Философские исследования» – это сборники, которые в лучшем случае можно оценить как коллективные монографии. Но в любом случае это вовсе не бьющие в одну точку

и имеющие единую концептуальную основу авторские монографии, подобные упомянутой выше работе Л. Грэхэма [10]. В этом вопросе за образец можно взять еще одну книгу Л. Грэхэма, также переведенную на русский язык – «Очерки истории российской и советской науки» [11].

Книги двадцать первого века о советской науке

Не менее важно выяснить, о каких конкретно науках идет речь в аналогичных сборниках, вышедших уже в XXI веке.

В сборнике «За “железным занавесом”» [15] речь идет о судьбе Российской академии наук (в статьях А.В. Кольцова, В.С. Соболева, Ю.Х. Копелевича, С.С. Демидова, В.Д. Есакова и М.Б. Конашева), о событиях в советской физике (в статье В.П. Визгина), об Институте красной профессуры (в статье Л.-Д. Берендта), о Т.Д. Лысенко (в статье О.Ю. Елиной), в статье В.С. Измозик описываются настроения научной и педагогической интеллигенции в годы НЭПа (на основе материалов политического контроля и нарративных источников). При всем желании наиболее подходящими (близкими к психологической тематике) для нас в этом сборнике могут быть признаны только две статьи – статья Ю.И. Кривоносова «Политические игры Сталина под видом философской дискуссии» и статья Э.И. Колчинского «Попытки “советизации” биологии в Ленинграде в годы “культурной революции” (1929-1932)».

Та же картина (минимум сведений о советской психологии и ее истории) обнаруживается и в сборнике «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» [30] – в разделах «Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом», «Вторая мировая война и наука» «Наука и холодная война», написанных главным образом Э.И. Колчинским и Н.Л. Кременцовым.

В том же формате значительно позже (в 2010 г.) вышел еще один коллективный труд, посвященный вопросам взаимодействия науки и государства – «Подвластная наука? Наука и советская власть» [32]. Книга получилась весьма объемная, содержащая свыше восьмисот страниц.

Ее подготовил Институт философии РАН, составителями и научными редакторами были С.С. Неретина и (опять же) А.П. Огурцов. Книга включает в себя четыре раздела – «Наука в системе власти» (шесть статей), «Репрессированная наука» (также шесть статей), «Идеологические кампании в науке» (пять статей) и «Борьба за автономию науки» (еще пять статей), всего двадцать две статьи.

Как же в этой большой работе представлена история советской психологии? Судя по заголовкам статей – практически никак (если не считать повторной публикации статьи Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова»).

К тем же выводам мы приходим и при ознакомлении с еще одной большой книгой – «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны», вышедшей пять лет назад (в 2018 г.) под общей редакцией Э.И. Колчинского [23]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большую самостоятельную историко-научную ценность в деле изучения истории отечественной биологии представляет не только эта книга, но и другие книги Э.И. Колчинского (1944-2020) по истории советской биологии, в которых он выступал в качестве редактора, автора или соавтора [20; 21; 29].

Особого внимания заслуживает книга С.Э. Шноля (1930-1921) о героях и злодеях российской науки. Первое издание этой выдающейся в своем жанре книги вышло в 1997 г. под названием «Герои и злодеи российской науки» [53], последнее, шестое (уже посмертное) издание вышло в 2022 г. под несколько измененным названием – «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» [55]. В книге дается широкая историческая панорама драматического развития нашей науки в условиях сталинизма, а также в последние годы существования СССР. Рассказывается о судьбах ученых, творивших в области биологии, биофизики, генетики, медицины, химии. Но самое близкое к истории советской психологии, что мы можем найти в этой книге – это небольшая глава, посвященная Павловской сессии [55, с. 506-520]. Приоритеты автора в

выборе сюжетов следует объяснять, конечно, его научной специализацией (биофизика, биохимия).

Значение книги С.Э. Шноля для нас заключается в том, что после ее прочтения возникает сильное желание написать такую же книгу об отечественных психологах, причем не только о героях, злодеях (были и такие) и конформистах, но и о великих тружениках. До создания целостной картины нам, похоже, еще очень далеко, но уже сейчас надо становиться на этот путь, начинать движение по направлению к полной и объективной истории советской (а затем и всей российской) психологии.

Продолжая анализ «больших книг» по истории советской науки, откроем монографию Е.А. Долговой «Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг.» [13]. В пяти главах книги речь идет о советском научном сообществе в целом. В первых трех главах с помощью методов социальной статистики рассматривается вопрос о том, кто в 1920-1930-е гг. считался научным работником, анализируется социально-демографическая структура научного сообщества в 1918-1934 гг., далее научное сообщество в СССР описывается в фокусе социально-экономической политики 1920-1930-х гг. В отдельном параграфе, посвященном политическому профилю научных кадров, ставится вопрос о том, была ли советская наука коммунистической. Четвертая глава посвящена истории Института Красной профессуры (в период 1921-1938 гг.). Пятая глава «Публичная роль ученого: социальный запрос к профессии» состоит из трех параграфов: «“Наш, советский”»: ученый в кинематографе», «“Наука для всех”»: освоение учеными практик популяризации результатов научного труда» и «Как советские ученые забыли иностранный язык».

В целом книга Е.А. Долговой содержит огромное количество важных сведений общего и частного характера, однозначно необходимых для адекватного понимания того социального, общенаучного, политического и идеологического контекста, в котором в 1920-1930-е гг. развивалась советская психология.

В фундаментальной двухтомной работе Е.А. Добренко «Поздний сталинизм: эстетика политики» [12] в первом томе в заключительной (шестой) главе «Gesamt Wissenschaft Werk: Романтический натурализм и жизнь в ее революционном развитии» [12, т. 1, с. 567-705] речь идет об агробиологии Т.Д. Лысенко («мичуринская наука» и т.д.), о «живом веществе» О.Б. Лепешинской, об открытиях Г. Бошьяна (о переходах вирусов в бактерии и обратно). Далее Е.А. Добренко рассказывает, как все эти «открытия», сделанные представителями «передовой науки», находили отражение в художественных произведениях (романах), пьесах и фильмах того времени – в частности, в пьесе Н. Погодина «Когда ломаются копья» (1952), а также в книгах Н. Дашкиева – в научно-фантастическом романе «Торжество жизни» (1950, 1952, 1966, 1973) и биографической повести о О.Б. Лепешинской (1973).

Коротко говоря, Е.А. Добренко показывает на конкретных примерах, как «наука стала искусством» [12, т. 1, с. 705], то есть идеологией. Во втором томе в седьмой главе «Лингвистический реализм: власть грамматики и грамматика власти» в том же ключе речь идет об «учении о языке» Н.Я. Марра.

Выбранный автором ракурс – «эстетика политики» – означает, насколько мы можем понять, анализ того, как политика сталинизма (в частности, в области науки) была представлена в художественной литературе, фильмах, пьесах, архитектуре, музыке. С этой точки зрения, действительно, в советской культуре эпохи позднего сталинизма (1946-1952 гг.) трудно найти художественные произведения, пьесы или фильмы, в которых в центре внимания была бы психология (а не генетика, биология, физиология или языкознание). Впрочем, это совсем не удивительно и вполне объяснимо: в условиях проходившей в первой половине 1950-х гг. тотальной «павловизации» советской психологии иначе и быть не могло. И даже если мы возьмем относящиеся уже к 1960-м гг. такие великие произведения советской фантастики, как романы «Лезвие бритвы» (1963) и «Час быка» (1968) И.А. Ефремова или «Трудно быть богом»

(1964) и «Хищные вещи века» (1965) братьев Аркадия и Бориса Стругацких, то, как нетрудно убедиться, научно-психологическая составляющая в этих произведениях весьма незначительна по объему, наивна и, по большому счету, архаична и беспомощна, что, конечно, отражает роль и место советской психологии в советской культуре в то время. Да и формировавшаяся в 1940-1950-е гг. пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева в настоящее время поражает отсутствием какого-либо серьезного научно-психологического фундамента под рассуждениями о пассионарных личностях.

Книги об истории отдельных советских наук

Переходя к книгам, посвященным истории отдельных советских наук, после уже обозначенных в предыдущем разделе публикаций Э.И. Колчинского по истории советской биологии особо следует остановиться на работах В.Н. Сойфера. В 1993 г. на русском языке вышла книга В.Н. Сойфера «Власть и наука. История разгрома генетики в СССР» [35]. Четвертое издание этой книги (под несколько измененным названием) вышло в 2002 г. [37]. В последующем на тему о псевдонауке в СССР вышли книги В.Н. Сойфера «Красная биология: Псевдонаука в СССР» [36], «“По личному указанию товарища Сталина”: псевдонаука в СССР» [38] и «Сталин и мошенники в науке» [40]. Эти работы интересны прежде всего тем, что В.Н. Сойфер был непосредственным участником и свидетелем описываемых событий. В частности, любопытные подробности приводятся В.Н. Сойфером в параграфе «Встречи и беседы с Т.Д. Лысенко» в автобиографии «Очень личная книга» [39].

Таким же конкретным образцовым примером исторической реконструкции в сочетании с глубоким проникновением в теорию вопроса является книга академика В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» [1]. Первое издание этой книги вышло в 1991 г., второе, дополненное – в 2004 г. [2]. Для историка советской психологии исследование В.М. Алпатовым феномена Н.Я. Марра и марризма имеет

большое значение сразу по нескольким причинам. Во-первых, речь идет о «советской судьбе» близкой к психологии науки – лингвистики. Во-вторых, даже независимо от степени близости психологии и лингвистики книга В.М. Алпатова полезна тем, что может служить образцом историко-научной реконструкции и подчеркнута строго научного объяснения всего того, что было связано с Н.Я. Марром и марризмом в советской лингвистике. Было ли нечто подобное в советской психологии? Был ли у нас свой Марр? Кто был в нашей науке в наибольшей степени похож на Марра или мог стать (но не стал) Марром в психологии? Почему у нас не было своего Марра? Такие вопросы невольно возникают при чтении книги В.М. Алпатова.

Для позиции В.М. Алпатова характерно, что он ясно различает, во-первых, учение Марра и феномен марризма; во-вторых, обсуждение учения Марра и феномена марризма в узком кругу специалистов (лингвистов) – и в широкой печати (в газетах, в ненаучных журналах). Интересны предлагаемые В.М. Алпатовым по ходу изложения трактовки марксизма.

Для исследовательской позиции В.М. Алпатова характерны такие черты, как стремление к объективному, взвешенному, научному оценкам (это касается и оценки позиции Сталина по вопросам языкознания), максимальный учет историографии вопроса (тщательное изучение того, что говорят о Марре наши и зарубежные ученые). Во втором издании книги хорошо видно, что даже в тех случаях, когда с В.М. Алпатовым не соглашаются и критикуют его, он всегда готов частично согласиться с критикой, признать, что доля правды в их критике есть, то есть он не отбрасывает целиком и с порога точки зрения оппонентов.

Особо следует обратить внимание на тщательную проработку и корректное использование В.М. Алпатовым понятия «миф» (в науке) (см. в особенности [2, с. 33-34], где В.М. Алпатов опирается на определение мифа, в свое время предложенное известным американским лингвистом Р.А. Миллером). Заслуживают внимания и другие работы В.М. Алпатова, посвященные истории советской лингвистики [3-8].

Аналогичным образом современный исследователь истории советской психологии может очень многое взять на вооружение – и в качестве образца, и в виде конкретных исторических фактов – при ознакомлении с книгами, посвященными истории советской археологии. Прежде всего мы имеем в виду работы А.А. Формозова (1928-2009) и Л.С. Клейна (1927-2019).

А.А. Формозов еще в 1993 г. опубликовал статью «Археология и идеология (20-30-е гг.)» [44]. Многие констатации из этой статьи могут быть перенесены на историю советской психологии. В последующем А.А. Формозов опубликовал еще несколько книг по истории российской и советской археологии [45-52]. Из работ Л.С. Клейна в этом же отношении следует особо выделить его книги «Феномен советской археологии» [16], «История российской археологии» [17-19]. До таких книг, как многоплановое исследование А.А. Формозова «Русские археологи в период тоталитаризма» [50] или колоссальный труд Л.С. Клейна «История российской археологии» [19], нам, судя по всему, еще очень далеко.

В области изучения советской историографии древности обязательного изучения заслуживают книги С.Б. Криха [24-28]. Работа с архивами, умелое использование биографического метода, скрупулезный учет социального контекста, глубокое проникновение в чисто теоретические проблемы, прекрасный (не боящийся местами переходить в афористичный) стиль изложения, личный взгляд на историю своей науки в сочетании со строго научным объективизмом – все это, несомненно, можно и нужно брать на вооружение и применять при изучении истории советской психологии. Слишком много при чтении работ С.Б. Криха обнаруживается параллелей и похожих судеб в жизни людей и идей по сравнению с тем, что происходило в те же годы советской психологии, чтобы игнорировать эти пересечения и совпадения.

Столь же важны и чисто методические аспекты, убедительно реализуемые в работах С.Б. Криха. В частности, выделение «периферийной» науки как объекта исследования (периферийной по отношению к научному «мейн-стриму», концептуальному центру не столько

географически, сколько содержательно, в плане теории) применительно к истории советской психологии должно оказаться, как нам думается, не менее продуктивным, чем у С.Б. Криха в его недавней замечательной книге (своего рода интеллектуальном детективе) «Другая история: “Периферийная” советская наука о древности» [25].

Из работ, посвященных судьбе исторической науки в эпоху СССР, в поле нашего внимания в качестве объектов для подражания и источников конкретной исторической эмпирии оказались капитальные исследования А.М. Дубровского [14], В.В. Тихонова [42] и А.Л. Юрганова [56-58].

Разумеется, рассмотренные материалы – только вершина айсберга. Но, думается, и этих материалов все же вполне достаточно, чтобы взглянуть на историю советской психологии со стороны. Наука – дело креативное, коллективное и кумулятивное не только во времени, но и в пространстве. Понимание этого заставляет нас прислушиваться к тому, что говорят другие, придает нам новые силы и способствует дальнейшему продвижению вперед – рядом с другими, вместе с другими.

Выводы

1. В ходе поиска наиболее значимых отечественных публикаций постсоветского периода, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом, были выделены три группы источников: 1) сборники статей (коллективные монографии), посвященные различным наукам; 2) работы общего (общенаучного) характера, посвященные проблеме «власть и наука в СССР» («наука и идеология», «социальная история советской науки» и т.п.); 3) работы, в которых исследуется история какой-либо одной науки в СССР – история советской лингвистики, генетики, археологии, исторической науки и т.п.

2. Сравнительный анализ выявленных публикаций (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского, Л.С. Клейна, Э.И. Колчинского, С.Б. Криха, В.Н. Соيفера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля,

А.Л. Юрганова и др.) позволил прийти к выводу о том, что в настоящее время изучение истории советской психологии по целому ряду аспектов (методологически, методически и эмпирически) существенно отстает от уровня, уже достигнутого в исследовании советского периода истории своей науки представителями целого ряда отечественных наук (в частности, биологии, генетики, исторической науки, археологии и лингвистики); вследствие этого многие из рассмотренных публикаций могут выступать как с методологической, так и с методической точки зрения в качестве конкретных образцов для подражания при исследовании истории советской психологии.

3. Минимум сведений по истории советской психологии, обнаруженный в постсоветских и современных публикациях, в которых рассматривается судьба различных наук в советскую эпоху или советской науки в целом, следует объяснять не столько незначительностью сведений об истории советской психологии, сколько их недостаточной проработанностью, обобщенностью и изученностью самими психологами.

4. При обсуждении перспектив дальнейших исследований истории советской психологии следует исходить из того, что негативное воздействие господствующей государственной идеологии на какую-либо конкретную науку в конечном счете зависит не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию, отстаивать свою автономию, свое право на субъектность и свободу действий, что прежде всего определяется уровнем общего развития данной науки, степенью ее социальной и теоретической зрелости, наличием конкретных путей и форм реализации своего творческого потенциала, находящем непосредственное выражение не только в сфере теории, эксперимента и практики, но и в как можно более полном и объективном познании собственной истории.

5. В целом рассмотренные материалы и полученные выводы подводят к мысли о том, что в настоящее время назрела необходимость создания всеобъемлющего, методологически выверенного и эмпирически насыщенного энцикло-

педического справочника, посвященного истории советской психологии. Мы полагаем, что только таким путем история советской психологии станет более доступной, понятной и заслуживающей внимания не только для самих психологов, но и для представителей других наук и областей знания, а также для широкого круга читателей – как отечественных, так и зарубежных.

Литература

1. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
2. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012.
5. Алпатов В.М. Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2023.
6. Алпатов В.М. Избранные труды XX века / сост. П.М. Аркадьев, А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, С.Г. Татевосов. М.: Языкознание, 2023.
7. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
8. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М.: Восточная литература, 2002.
9. Большакова О.В. Поллок Э. Сталин и советские научные войны. (Реферат) // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Большакова О.В. М., 2014. – С. 112-118.
10. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
11. Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998.
12. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т.1.; Т.2.
13. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.
14. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. (История сталинизма).
15. За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред.: Хайнеманн М., Колчинский Э.И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
16. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Изд-во ФАРН, 1993.
17. Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.
18. Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928-2009): послесловие. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2011.
19. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время.; Том 2. Археологи советской эпохи.
20. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. (Российская Академия Наук. Институт истории естествознания и техники. Санкт-Петербургский филиал)
21. Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006.
22. Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007.
23. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой

- войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018.
24. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М. URSS, 2012.
25. Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
26. Крих С.Б., Метель О.В. Историография древности в советский период: учебное пособие. Омск: Синяя птица, 2018.
27. Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи: путеводитель по советской науке о древней истории. Изд. 5-е. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2019.
28. Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.: ЛЕНАНД, 2020.
29. На переломе. Советская биология в 20-30-х годах / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФИИЕТ РАН, 1997.
30. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. С.-Петербург, 2003.
31. Наука и тоталитарная власть // Философские исследования. 1993. № 3. С. 1-251; 1993. № 4. С. 252-504.
32. Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос. Акад. наук. Ин-т философии; сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Изд-во «Голос», 2010.
33. Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991.
34. Репрессированная наука. Вып. II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994.
35. Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993.
36. Сойфер В.Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.
37. Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. 4-е изд. М.: ЧеРо, 2002.
38. Сойфер В.Н. «По личному указанию товарища Сталина»: псевдонаука в СССР. М.: Триумф, 2007.
39. Сойфер В.Н. Очень личная книга. Новосибирск: Инфолио, 2011.
40. Сойфер В.Н. Сталин и мошенники в науке. – 2-е изд., доп. М.: Добросвет, Городец, 2016.
41. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989.
42. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
43. Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928-2009): послесловие. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2011.
44. Формозов А.А. Археология и идеология (20-30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70-82.
45. Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М. Наука, 1995.
46. Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // Российская археология. 1995. № 3. С. 225-232.
47. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. 1998. № 3. С. 191-206.
48. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
49. Формозов А.А. Рассказы об ученых. Курск, КГМУ, 2004.
50. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2004.
51. Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак, 2005.
52. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Изд. 2-е, дополн. М.: Знак, 2006.
53. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
54. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001.

55. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 6-е, испр. М.: ЛЕ-НАНД, 2022. (Наука в СССР: Через тернии к звездам. № 1)
56. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.; 2-е изд., стереотип., 2019.
57. Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
58. Юрганов А. Л. Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
59. Birstein V.J. The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science. Cambridge: Westview Press, 2001.
60. Graham L.R. Science, philosophy and human behavior in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey, 1987.
61. Graham L.R. Science in Russia and the Soviet Union: A Short History, Cambridge: University Press, 1993.
62. Kremetsov N. Stalinist Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
63. Pollock E. Stalin and the Soviet science wars. Princeton: Princeton University press, 2006.

SOVIET PSYCHOLOGY IN A BROAD HISTORICAL AND SCIENTIFIC CONTEXT (REVIEW OF KEY DOMESTIC PUBLICATIONS OF THE POST-SOVIET PERIOD)

© **Sergey A. Bogdanchikov**

Ph.D. in Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
bogdanchsa@gmail.com

A comparative analysis of the most significant post-Soviet publications on the Soviet period of some sciences and Soviet science in general (works by V.M. Alpatov, E.A. Dobrenko, E.A. Dolgova, A.M. Dubrovski, L.S. Klein, E.I. Kolchinsky, S.B. Krich, V.N. Soifer, V.V. Tikhonov, A.A. Formozov, S.E. Shnol, A.L. Yurganov, etc.), allowed us to conclude that the study of the history of Soviet psychology at present, in a number of parameters, significantly lags behind the level that representatives of other national sciences have already achieved in their study of the Soviet period of their science. The minimum of information on the history of Soviet psychology found in post-Soviet and contemporary publications, which consider the fate of various sciences in the Soviet era or the Soviet science as a whole, should be explained not by the insignificance of the information about the history of Soviet psychology, but by their insufficient elaboration, generalization and study by psychologists themselves.

In discussing the prospects of further research into the history of Soviet psychology, it is emphasized that the negative influence of the dominant state ideology on a particular science ultimately depends not only on the strength and direction of that influence, but also on the ability of the science itself to resist that influence; this is primarily determined by the level of its overall development, which finds its expression not only in theory, experiment and practice, but also in the most complete and objective knowledge of its history.

Keywords: history of Soviet psychology, history of Soviet science, science in the USSR, science and power, science and ideology, history of Soviet linguistics, biology, genetics, archeology, historical science